

A watercolor illustration of a woman with butterfly wings. The woman is the central figure, depicted with a white tank top and orange-brown pants. Her wings are large and dark, with intricate patterns. The background is a mix of blue and green washes, suggesting a sky or a natural setting. The style is expressive and painterly.

Порхающая бабочка

Маргарита Макарова

18+

Маргарита Макарова

Порхающая бабочка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70624033

SelfPub; 2024

Аннотация

Эротические эссе, соединенные одним сюжетом девиртуализации старых собеседников чата. После многолетнего общения в интернете женщина решает увидеть тех, с кем провела многие часы. Обложка автора.

Содержание

Человек с термосом.	4
Голубые креветки, или благородные доны.	15
Муромец.	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Маргарита Макарова

Порхающая бабочка

Человек с термосом.

«Глас-чат». Тут никогда не было много народа. Тут вообще не было народа. Народ этот вообще не считался желанным гостем у хозяина чата. Здесь бывали только избранные. По приглашению. Не было никого случайного. Никто не ругался матом. Все были милые. Во всяком случае все были милы друг с другом. Поле чата было оттенка старой бирюзы.

Днем так и вовсе это поле почти всегда пустовало. Лишь поздно вечером, когда по законам сказочного жанра на небе появлялись все медведицы, чат оживал и начинался неторопливый разговор ни о чем. О погоде, об ужине, о фильме, о стихах.

Меня сюда привел Муромец. Так он себя называл. Интернет, конечно, штука анонимная, но, когда долго общаешься, детали жизни попадают в бегущую строку экрана. Хотя. Иногда человек придумывает себе такого персонажа, так вживается в роль, что уже не может оторвать себя от маски, и только случай может определить кто же находится по ту сторону экрана. Но все по порядку.

Муромец был старый забулдыга, поклонник Раневской,

цитировавший ее всегда и всюду, к месту и без всякого повода.

Нет, сначала-то он привел меня на форум Доренко. Там, после нескольких заметок меня забанили без права передачи. Не помню уж конкретику мессаг, но наверняка что-то по поводу текущего момента, потому что текущий момент всегда меня немного интересовал и волок некоторое время силой спускаемого потока.

Вообще, привычка банить- с позиции силы, с позиции всевластия – это пагубная привычка – совершенно неоправданна и вызывает удивление по всем параметрам. Более того. Забанивание без видимой причины напоминает драку профессионального боксера и маленькой девочки с косичками. К тому же это говорит о психическом здоровье – зачем открывать форум или чат – если ты банишь всех непонятно по какому поводу, уничтожая потенциальных собеседников?

К примеру, на форуме первого канала меня забанили в 2009 году до 2041года. Хорошо бы узнать кто из нас доживет. Помню шло обсуждение Евровидения в Москве. Я высказала сомнение по поводу звука спросив « а почему наше Евровидение идет под фанеру а не как обычно вживую?

Этого оказалось достаточно, чтобы стать аутсайдером для сообщества форумчан первого канала.

Ну что поделаться, любопытная я.

Да все женщины любопытны.

Говорят, что 90 процентов мужчин остались бы девствен-

никами если бы не женское любопытство. А если бы среди женщин было бы в порядке вещей делиться подробностями любовных походов – то каждая вторая бы знала на что она идет. И что ее ждет.

К сожалению, животные инстинкты преобладают, и зачастую внутривидовая ненависть к однополый особи побеждает. Да и имидж скромной целомудренной самки опять же еще никто не отменял.

Имидж во всем виноват.

Много раз меня банили на Рамблере во время «фабрики звезд 7». Но там было просто – делаешь новое имя, новый аватар и снова в деле. Аватаров у меня было полно. Считаю и своей заслугой что «фабрики звезд» больше не существует. Мы дружно там обсмеяли саму идею музыкальной передачи без музыки и музыкантов. И до подрастающего поколения наконец дошло, что не стоит ради пяти минут славы становиться посмешищем для интернет толпы.

Меня банили на историческом форуме и на масонском. Банили на форуме альтернативной истории и форуме археологов.

Меня закрывали на Прозе.ру, или просто убирали статьи.

Мы тонем в словах, и при этом однако так чувствительны к чужому мнению.

А сколько раз меня банили на «Спрашивалке». Ах это забавное время розовых грез и мечтаний. Спросили – я ответила – почему бан?

Может у меня имидж не тот?

В «Глас чате» меня никто не банил. В то время меня интересовала Атлантида, я обсуждала ее везде и всюду и загадки возникновения блондинов поглощали меня с головы до ног.

Саба. Он был главный, он был в авторитете. Он был пахан. Он был паханом в авторитете. Он многое знал, много говорил, часто объявлял перекур. Он был солиден. Я представляла его себе старушкой. Не знаю почему... Часто его реплики расплывались, буквы путались, либо он хотел спать, либо принял снотворного коньяка. Он много подсказал мне в моих изысканиях – я действительно благодарна ему за это.

И вдруг однажды, на мою реплику – «никто меня не любит, кроме моей собаки», он возразил.

– А я! А как же я! Я же тебя люблю... Я плакал весь вчерашний вечер...

Это было так неожиданно, так странно...

Это было так не в тему... эти слова от человека, которого ни разу не видела... даже фотографии... Ни разу не встречались... Вообще ни разу не говорили о любви. Ни разу не говорили о чувствах.

В чате есть ники.

– Саба, а ты кто? Я думала – ты женщина.

Я правда лукавила. Я была уверена, что он – женщина – настолько асексуальные были наши разговоры. Впрочем, так казалось мне одной.

– Саба, а какой ты?

– Я седой.

– А глаза?

– Белые...

– Саба, а сколько тебе лет?

– 78.

– Саба, ладно, я займусь собой, запишусь в спортзал и бассейн и весной встретимся.

И после этих слов чат сломался. Там поселились боты, спам, нагромождения лишних ников и слов. Чат исчез, как место для разговоров. Все поле было занято абракадаброй, несвязным текстом, набором цитат, списками каких-то имен.

Может это была азбука Морзе? Как в той песне – «распознай мои сигналы эс-о эс».

Я не понимала ничего, лишь недоумевала, а на фик в любви объясняться, чтобы пропасть? Нет, я пыталась распознать. Честно!

Я стала ходить в бассейн, возобновила тренировки. Комплекс золушки, которой нужно быть достойной принца вдруг всплыл из моего подсознания.

Черт его знает кто любит. Но не каждый же день вам объясняются в любви незнакомцы. Хотя и это было. Однажды в Барселоне передо мной упал на колени немец и сказал, что любит меня. Может он был пьян. Солнечный день, теплый ветер, сверкание моря располагает к экзистенциальной экстравагантности.

Я брала термос, купальник, полотенца, шапочку. Термос и полотенце я оставляла прямо на скамье у бассейна, чтобы во время перерыва сделать пару глотков горячего чая. И вот, плыву я как-то раз, плыву, поворачиваюсь, а он – сидит! Мало того, что сидит на моей скамье – спокойненько открыл мой термос и наливает из него, как будто то там в моем термосе термосовый бар – открытый для всех и каждого, севшего на эту скамейку!

Я остановилась и погрозила ему пальчиком. Он удивленно уставился на меня и продолжил это злое дело по выдавливанию моего ароматного чая из моего домашнего термоса.

Это вывело меня из себя и повело на берег, я шла по дну бассейна и грозила ему пальцем, не спуская с него грозного взгляда.

Человек сторбился. И тут я увидела. Я увидела, что ошибалась. Он пил не мой чай. В руках у него был не мой термос. Мой стоял преспокойненько рядом с ним и был закрыт, как я его и оставила. А у него в руках был двойник моего термоса. И к этому двойнику прибавлялась еще и баночка с вареньем.

Я как подрезанная на взлете – остановилась. Я остановилась резко и по воде пошли волны.

Я все еще смотрела на него. Он все так же испуганно и удивленно смотрел на меня.

Осознав свою ошибку, я развернулась и пошла в другую сторону. Представляю, какое лицо у него было у меня за спиной.

Однажды появившись с клоном моего термоса, он уже не отступал. Четко установив наблюдения с побережья, он никогда не плавал. Он никогда не заходил в бассейн в плавках. Он вообще был не в плавках. Он всегда был в белом махровом халате. Всегда с баночкой варенья, всегда в компании мужчин.

Он суетливо разговаривал, иногда махая руками, иногда торопливо поглощая джем.

Он всегда садился на ту скамью, где я оставила свои полотенца и термос. Он следил за мной. Он наблюдал как тренер. Он наблюдал как шпион. Он наблюдал как врач, которому поручили вести медицинскую карту моего самочувствия.

Одним словом, я приобрела тренера, который следил. Врача, который следил. Шпиона, который следил. Но вся эта группа лиц никогда не докладывала мне о результатах своего наблюдения.

И наблюдал не он один. С ним приходили молодые и не очень люди. Но больше было молодежи, по виду студенты. Они садились перед ним на корточки и что-то упорно рассказывали, он кивал и улыбался.

Горбатый.

Не то чтобы это был горб.

И не то, чтобы он горбился.

Это был дефект внутриутробного развития. Да, это реально. Вогнутая грудная клетка. То есть это и не горб, и в то же время невозможность выпрямиться до конца, даже если он

начнет заниматься гимнастикой олимпийского порядка.

Обычно, он вставал со скамьи и наклоняясь вперед, как будто вес его собственного термоса не давал ему принять вертикальное положение, уходил, оглядываясь на меня. Уходил вместе со всеми, или уже один.

И однажды мысль в виде обычной молнии пронзила мои мозги. Даже, я бы сказала, как НЛО.

– Саба? – смело обратилась я к нему в один из вечеров. Я стояла у своего термоса, наливала себе чай, он сидел передо мной на скамье и поглаживал голову рукой. Ногти были аккуратно подстрижены. Это я заметила сразу. Так же, как и на ногах.

Я уверенно назвала горбуна знакомым чатовским ником и надеялась, что у него нет оружия под банным халатом.

– Ну да, – ответил человек с термосом. Он откинулся и прислонился головой к стенке. Поднял руку и провел ладонью по черепу.

– Ты разве седой?

– Лысый, ну да, лысый я...

Блестящая после бани макушка, седая короткая бородка, почти щетина. контрастировала с небольшой бородкой. Длинный, изогнутый утиный нос смешно нависал над испачканной сладостью верхней губой.

– Саба, а сколько же тебе лет?

Издалека, из воды он действительно был похож на старика 78 лет. Но вблизи возраст уменьшался.

– 56.

– А зачем ты пришел в бассейн, за мной подглядывать?

Я вдруг вспомнила, что стою перед потенциальным кавалером раздетая, мокрая, непричесанная, с мокрыми прилипшими волосами, в белом спортивном купальнике, сквозь который видно все.

– Да нет же, – он еще больше вжался в стену и прикрыл глаза пальцами.

– И как же зовут Сабу? – видя его испуг от моего вторжения в его интимную термосовую жизнь я перешла на язык воспитательницы детского садика.

– Сережа, – тихо ответил он.

Глаза были выцветшие голубые, практически белые. Он был похож одновременно на Гитлера и Ленина. Вблизи на Гитлера, а издалека на Ильича.

Казалось, вжаться в стенку было уже невозможно. Однако он умудрился сымитировать и это – иллюзия что лишь одно лицо находится на поверхности стены и уже это не 3D объект, а фреска древнего Рафаэля, который неярко, осторожно, в пастельных тонах чуть, намёком дал черты вечернего Анонима.

Испугавшись, что своей догадкой сотру его реальность совсем, я отошла.

Уже внизу, после бассейна, надевая шубу, я заметила его на кресле. Играла музыка. Он притоптывал ногой незамысловатому шлягеру в такт. Голубая байковая куртка с джин-

сами выглядели странно, но делали его моложе. Голубая байковая куртка. Он явно сидел и ждал. Он был один. Он был одет.

– А почему ты сам не плаваешь?

– Я боюсь воды!

– Это фобии? Ты прям как Гитлер.

– Да нет, студенты зовут меня Ильичом.

Я прищурилась.

– Тогда, может быть, в кино-кафе сходим? Поболтаем вживую?

– Нет, никогда, – его руки затряслись, взгляд белых глаз ушел под веки, потом зрачки вернулись, незряче уставившись в невидимую мне точку.

Он встал, сторбившись, и испуганно оглядываясь на меня, пошел к выходу.

Вечером я зашла в чат. Он был там.

– Сереж, а чего приходил-то? Столько времени сидел в бассейне? Зачем?

– Я не обещал тебе секса.

О боже! Женщин он тоже боится, подумала я и перестала ходить в бассейн.

Саба, с голубыми глазами... С бело-голубыми глазами... С таким носом... С таким носом трудно смешиваться с кем-то... «Я себя не на помойке нашел» – это рефрен его чатовских излияний. Ещё бы... Такой нос... А когда с ним заговаривала женщина, дыхание у него перехватывало, и он отве-

чал шепотом. Как женщина. Почти шепотом.

Его называли – человек-кремень.

Он не менял своих решений.

Он их не принимал.

Он просто плыл по течению.

«Фатализм – это наше всё!», – тоже из его любимых.

Голубые креветки, или благородные доны.

Эх, саба, саба. Что значит саба? Откуда ник?

Паутина инета – как она формируется?

Кто те люди, что сидят на сайтах и форумах, пишут блоги и распространяют правдивую инфу. В кавычках.

Тролли.

Интернетовские тролли – это тема.

Сейчас уже ни для кого не секрет их стиль, их манера письма, их варианты разговора.

Не секрет и их цели.

Цензура инета? В значительной степени это и есть система троллей.

Трудно ли затроллить обычного человека на просторах инета? Да пара пустяков. Ники множатся, раскладываются, отпочковываются и вас уже обсмеивают – и это толпа...

Только что он был один. Но вот уже зовет на помощь другого.

Им не важно, о чем разговор – им важно, чтобы человек замолчал. Приемы отработаны. Они прозрачны.

Паутина троллей опутала виртуальное пространство как шпионская сеть вражеской разведки ближайшего окружения Джеймса Бонда.

Внутренности паука. Вы их видели?

Саба – админ всея Руси, один из начальников этих троллей. Он преподает им даже науку- заглушку слов обычных пользователей инета. Раньше я не понимала, думала саба выпил коньяка перед сном. Но он часто повторял – «я бог – мне даже трахать никого не надо –я скажу- и всё будет сделано».

Кому они служат?

Наверное, их жизнь значительно интереснее, чем кажется первоначально. Ведь они служат отчеству. Пишут Лукоморье. Сочиняют новости и форумы.

Интересно они делают это ради денег или ради призвания? Ради бабла или ради Искусства?

Паранойя.

Паранойя- это когда что? Это когда ранним утром, часов в 6 ты включаешь ноут и начинаешь шерстить блоги. Обычно у него на столе не один комп, а шесть. Хорошее совпадение – шесть компьютеров и шесть часов утра.

Отличное начало дня.

Блоги настоящие – что там пишут?

Известные блогеры. Все ли они просто люди? Или это люди на службе. Кому они служат? Истине?

Что мы можем выбрать? Истину или Ложь? А есть ли у нас подобный выбор? Может мы все время мечемся между одной ложью и другой?

Между ложью и ложью. Были ли американцы на Луне?

Если частичка истины просачивается – блог или сайт, или

текст – сразу уходит в небытие.

Я снова пришла к сабе в чат.

– Ну раз ты не хочешь со мной встречаться, – я буду встречаться со всем в твоём чате. Мне нужен секс. Обещаю секс на первом свидании.

Мне не было жалко комиссарского тела. Возраст и его осознание делало имидж ненужной игрушкой, к тому же ещё и сломанной

Первый ждал меня у метро.

Карлик. 155 см.

Я была на каблуках. Не в лабутенах, но на шпильках.

Он с ненавистью посмотрел на меня.

Его звали Саша.

Выглядел подростком. Строение подростка. Голова маленькая. Очки.

Я не стала спрашивать зачем он врал мне про рост, я бы надела кроссовки.

Каждое слово давалось ему с трудом. Он говорил что-то о больной спине, о приступах боли. Что надеется, что сегодня боли не будет. Он буквально шипел от злобы.

– Саша, ты столько лет сидел со мной в чате.

– Ну и что?

– Откуда злость? Нет, это злоба.

Квартира была маленькой. Крохотной. Как клетка для моли. Можно было только войти и уже не повернуться.казалось, вся она просматривается из одной точки. Или это была

точка зрения?

Первый этаж.

Темно от уличных деревьев и кустов. Его комната – диван и стол с компьютером.

Все окно заставлено громадными горшками с пальмами, и домашними растениями. Пол у окна тоже весь в емкостях питания растений.

– Удобно ночью – не надо бежать до туалета.

– Это мама.

Ему не терпелось. Он сразу стал меня раздевать. Молча. Я сняла с него очки. Огромный член не вязался с его маленькой головой. Я взяла его за уши, голова казалась высушенным трофеем индейцев.

– Надеюсь, сегодня не будет болеть спина, – еще раз повторил он и полулег на разложенном диване. Поверх одеяла. Бельё в цветочек, исстиранный почти до прозрачности ситец.

Прямо на нас смотрела камера компьютера.

Я не знала, как его трогать, чтобы не сломать.

Его член казался продолжением его туловища.

– Что это за трусы? «Прощай молодость»? – недовольно буркнул он.

Обычные чёрные непрозрачные трусики.

– А надо было кружево? Или «здравствуй старость»? – усмехнулась я.

Он лег на меня, я ввела часть его в себя. Он сразу же оста-

новился.

– Я слишком перевозбудился.

– И что?

– Сейчас.

Я закрыла глаза. Чтобы не видеть носителя. Всё-таки это ужасно, секс на первом свидании. Пусть даже ты трепалась с этим носителем пять лет в чате. Трёп – одно, секс – другое. Мне было неловко. А этому было всё равно, он, знай себе, останавливался и останавливался. Я погладила его по спине, открыла глаза, хотела поймать губы. Странно, лица я не увидела. Надо мной была шея. Лишь одна шея... Или же это было тело? Вот ведь... Незадача... Я поцеловала его. Вроде маленький парень, а шею так вытянул, что голова оказалась где-то у меня в волосах. Я сделала резкое движение бедрами навстречу его телу. Он кончил. Это был сильный приём- его никто не выдерживал... Всё закончилось. Наконец-то.

Старый, старый способ увидеть врага – приём Юдифи. Разве они – эти чатовские собеседники, были врагами? Для меня – нет. Но почему-то я была для них олицетворением врага. Почему? Настоящая, живая, без маски, такая, какая есть. Я не была персонажем. Я была лишь частью реальности, с которой они вели войну. Без легенды и нагромождений фальши.

Вот, значит, кто столько лет разговаривал со мной. Почему столько злобы.

Я лежала и чувствовала, как его сперма течет в меня.

– Вставай скорее, сейчас всё запачкаешь.

Он тащил меня за руку.

– Что запачкаю?

– Одеяло.

– Да чем я могу запакчать твоё одеяло?

– Сперма же из тебя вытекает.

– Это же не грязь.

Спорить было бесполезно. Он был на грани нервного срыва. Сразу видно было, что стирать он не умел.

Крохотная ванна, дверь открыта, полотенца свисали сверху.

– А вытираться чем?

Новое чистое он мне не принёс.

– Как ты можешь тут жить и работать?

Этот вопрос все же вырвался у меня.

– Мне нравится, что я могу складывать слова, мне нравится, что я хорошо пишу, что у меня получается писать. Мне нравится эта работа.

– Троллить?

– Не грузчиком же мне идти.

– А что писать – уже не важно?

– Сейчас родители придут.

– Это что значит?

– Уходим.

Я молча одевалась. Он уже был одет. Вышли.

– Ты знаешь, я помню дорогу к метро.

– Нет, я провожу.

Он перешагнул через штакетник газона. Шёл впереди, не оглядывался. Шпильки без восторга восприняли отсутствие асфальта.

– Впрочем, – он сделал еще пару шагов.

– Да, да, я найду дорогу.

– Вот видишь, большое здание, до него дойдёшь, там шоссе- повернёшь направо- дойдёшь до метро.

– Конечно.

Он старался не смотреть на меня. Я оглядывала его исподтишка. Злоба осталась во всём его облике, в глазах, в движениях.

Он резко развернулся и зашагал к подъезду, мы как раз шли у его окон. Можно было рассмотреть сквозь штору оставшуюся чистой кровать.

Я вздохнула. Идти с ним было пыткой. Говорить он мог только в чате. Множество... множество... составное множество. Объединённое тролличьей работой. Тролли инета собирались вечерком, чтобы поговорить со мной и друг с другом.

Теперь я увижу их всех, разложу по словечкам и выражениям, увижу их голыми и в постели, потому что только так я могла выманить их из тени экранов, из-за ширм ников. Заканчивался этап моей жизни. Жизни, которую я провела в паутине виртуальности и лжи...

Навстречу мне попались его родители. Странно, но я узна-

ла их. Они держались за руку и чувствовалось очень торопились.

Через две недели он попросил меня выслать фото моей вагины.

Муромец.

Он возник внезапно, на просеке. Маршрут моей обычной пробежки стал для него местом охоты. Он стоял чуть в стороне от тропинки, и упорно смотрел себе под ноги.

– Физкульт-привет! – крикнул он мне.

И побежал рядом.

–Побежим вместе?

Он пристроился рядом, усердно подравниваясь под мой темп, тем более что это было явно ему не сложно.

Отчего я знала, что этот человек – один из чата, из троллей, один из множества сабовских персонажей? Не могу объяснить...Это знание было скорее трансцендентальной апперцепцией, чем результатом опыта и анализом фактов, сформировано под воздействием априорных форм созерцания пространства и времени и не подтверждалось ни одним прощупываемым, осязаемым, материальным доказательством.

Канцелинг, канцелинг – всё указывало, что срок пришел – и судно вошло в гавань, как и должно было быть.

– Почему не разговариваешь? Надо разговаривать, когда бежишь. Тогда дыхание лучше будет выравниваться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.